

ПРИРОДА АССОЦИАТИВНОГО ФОНА В РОМАНЕ А.БИТОВА «ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Значение ассоциативного образа и его роль в постмодернистском романе А.Битова «Пушкинский дом» - проблема, которую следует изучать комплексно: с позиции литературоведения и психоэстетики. Ассоциативный фон романа интересен не только с точки зрения определения пунктира литературных и культурных отсылок, заданных автором, но и в ракурсе смысловой игры со всеми ее игроками, задачами и правилами, то есть в плане восприятия-воздействия текста. Характерно, что в постмодернистском тексте ассоциации могут приобретать дополнительный смысловой оттенок, а ряд привычных функций ассоциативных образов расширяется.

Как известно, использование ассоциативного приема необходимо не столько внутри текста, сколько вне его — включение в текст ассоциативных образов оказывает влияние на читательское восприятие. Потому необходимой ступенью нашего исследования было проведение ассоциативного эксперимента. Проведение такого эксперимента нацелено на определение процесса восприятия читателями образов с повышенной ассоциативной плотностью. По мнению психолингвиста А.А.Леонтьева, «восприятие искусства предполагает бессознательную поисковую деятельность» [5,200]. Иначе говоря, попытка воспринять текст порождает множество ассоциативных связей. Синтезируя возникшие представления, мы, как отмечает А.А.Леонтьев, «получаем изображение, отягощенное личностным смыслом, который вложил в него творец» [5,201]. При чтении битовского текста возникает литературная (или шире — культурная) ассоциация, разворачивающаяся затем в сознании читателя в определенную картину событий, которую он накладывает на другие порожденные ассоциативными связями квазиреальности, и получает некий результат. Словно «пересадив» общеизвестные образы русской классической литературы на чужую для них «почву» постмодернизма, Битов совершенно определенно задал нужный ему способ читательского мышления, основанный на попытках предугадать, разгадать, что будет дальше. Читать «Пушкинский дом» - значит анализировать его. Битов своим текстом словно пытается переучить нас, доказав, что «к счастью, литература — не математика, где невозможно дважды открыть интегральное исчисление» [3,30].

Для того чтобы конкретней представить процесс восприятия читателями текста А.Битова, мы и провели ассоциативный эксперимент. Эксперимент был проведен в виде анкетирования: словами-стимулами служили цитаты, имена героев, название глав из романа; словами реакциями должны были стать известные литературные единицы. Слова и словосочетания, выступающие в роли стимула, были лишены контекста, заданного А.Битовым. В результате информант фиксировал первое, что приходило ему в голову, совершенно не задумываясь. Он фиксировал первичные ассоциации. В процессе прочтения текста первичные ассоциации неосознанно для читателя образуют некое поле различных смыслов, через призму которых читатель начинает воспринимать текст. Природа же ассоциативного фона амбивалентна. Опираясь на это утверждение, мы выделили и подробно изучили две функции ассоциативных образов в романе. В первой выделенной нами функции, усложняющей, лежит запутывание автором культурного читателя. Опираясь на общеизвестными литературными фактами, автор создает образы, ассоциирующиеся с теми литературными произведениями и фигурами, которые уводят от внутреннего сюжета романа, от главной его идеи.

«Пушкинский дом» - это история Левы Одоевцева, аспиранта, занимающегося русской литературой и работающего в Пушкинском доме – то есть в Институте русской литературы Академии наук в Ленинграде» [8, 193]. Автор называет главного героя Лев Николаевич. На ассоциативном уровне у читателей возникает параллель с Л.Н.Толстым, постоянно закрепляющаяся самим Битовым открыто: «Но писать с точки зрения Бога позволял себе лишь Лев Толстой <...> наш герой назван Левой в его честь, не то нами, не то его родителями» [1, 100], - или неявно: «Так они и проплавали в своем крепостном аквариуме все Левино «Детство. Отрочество» [1, 59]. – «Юность» была все-таки уже подвержена времени» [1, 59]. Так автор задает ложный путь восприятия образа Левы Одоевцева. Связывая личность главного героя с личностью писателя, читатель ожидает сходства между ними. Но по мере развития сюжета это сходство не обнаруживается: Лева не является гениальным писателем, он всего лишь тень своего гениального деда – Модеста Платоновича. Герой оказывается способным играть роль только «в освоении дедовского наследия» [1, 105]. В данном случае А.Битов манипулирует не только культурным знанием читателя, но и доверием к себе, автору романа. Закрепляя ложный ход развития читательской мысли подтверждающими текстовыми вторжениями, писатель в конечном итоге разочаровывает ожидания своего читателя, утвердив его в единственности пути восприятия образа Левы. Тем не менее, стоит заметить, что изначально автор задает не одну параллель, связанную с образом главного героя. На ассоциативном уровне проводится параллель с героем романа Ф.М.Достоевского «Идиот», князем Львом Николаевичем Мышкиным. В силу того, что связь эта закрепляется только тем, что Митишатев – антагонист Левы – периодически

называет Одоевцева «князем», связь эту можно назвать неброской, неявной. Однако за счет выявления этой связи можно объяснить несколько характерных особенностей образа Левы, а именно: как и Мышкин, он является в некотором роде «каллиграфом», то есть переписчиком, воспроизводителем чужих теорий, пророчеств, точнее – учеником, последователем, но никак не пророком; как и Мышкин, Лева теряется в мире чужих ему ценностей, что у Ф.М.Достоевского оборачивается в конечном итоге сумасшествием, а у А.Битова временным умопомешательством, белой горячкой. Благодаря параллели с образом князя Мышкина, читатель выходит на внутренний сюжет романа «Пушкинский дом». М.Абашева характеризует внутренний сюжет следующим образом: «В самом общем виде его [сюжет] можно описать как переживание нецельности и невоплощенности и попытке эту нецельность восстановить» [2, 94]. Играя возникающими в процессе чтения ассоциациями, автор выстраивает ложные ходы развития событий, уводя читателя от понимания глубинного смысла романа. Не оправдывая наших ожиданий, автор включает нас в интеллектуальную игру, в процессе которой мы должны разгадать истинное значение того или иного образа в романе «Пушкинский дом». То есть усложняющая функция ассоциативных образов необходима А.Битову для того, чтобы выработать напряженный процесс мышления, посредством которого автор формирует собственного читателя.

Помимо усложняющей функции ассоциативных образов в романе «Пушкинский дом», мы выделяем функцию вспомогательную. В основе вспомогательной функции лежит авторский намек на более глубокое восприятие событий, происходящих в романе. Возникающие у культурного читателя ассоциации расширяют границы текста «Пушкинского дома». За счет этого писатель ведет читателя к главной идее своего произведения не только посредством внутритекстовых приемов, но и внетекстовых соотношений.

В данном случае ассоциации, возникающие в процессе чтения романа, не просто отсылают нас к известным произведениям, а указывают на причастность этих произведений к созданию текста «Пушкинского дома». «Ключом к более глубокому пониманию соответствующих разделов, частей, глав являются предваряющие их эпиграфы, представляющие цитаты из вышеназванных произведений; они «подталкивают» к диалогу с классикой» [6, 128]. Также возникающие ассоциации позволяют читать нам роман между строк, что ведет к переосмыслению каких-либо образов. Рассмотрим образ Митишатьева, антагониста главного героя. Митишатьев противопоставляется Леве по классовому положению, по образу жизни. Митишатьев считает Одоевцева своим идейным врагом («потому что ты – мой идейный враг» [1, 203]), «с усмешкой» называет его князем, аристократом, сам же курит папиросы «Север», «сорт дешевых, «работяжных» папирос» [1, 357], ассоциирующихся, по мнению автора комментариев, с «некоторой социальной

характеристикой» [1, 357]. Однако заданная автором антитеза лежит на поверхности: на ассоциативном уровне восприятия текста, мы понимаем, что Митишатъев – alter ego Одоевцева. Проанализировав образы Митишатъева и Левы на интертекстуальном уровне, нельзя не отметить их связь с образами Рогожина и Мышкина (как и Рогожин к Мышкину, Митишатъев обращается к Леве «князь»). Исследователи романа Ф.М.Достоевского «Идиот» указывают на то, что Рогожин является двойником Мышкина: «Достоевский создает в основных своих произведениях систему двойников, по-разному отражающих суть центрального персонажа, порой не известную ему самому» [9, 150]. Проводя аналогию, можно предположить, что Митишатъев является двойником Левы, воплощая собой ту несостоятельность, к которой приходит герой в финале романа. Литературовед И.С.Скоропанова считает, что «в «Пушкинском доме» показана бескровная трагедия, цена которой – несостоявшаяся личность, раздавленный интеллигент» [6, 139]. Митишатъев – «неотступная тень Левы Одоевцева» [6, 139], его образ подражателен образу главного героя. На ассоциативном уровне автор сближает, даже объединяет образы Левы и Митишатъева. Этим он показывает несостоятельность своих героев. А.Битову «нужен был исходно положительный материал, одушевленный, способный по рождению чувствовать и думать, чтобы продемонстрировать, как все это может не развиваться, не воплотиться» [4, 35]. Заданный автором ассоциативный фон помогает выяснить, что Митишатъев является не только Левиным антиподом, но и его двойником. А потому, задолго до финала романа мы можем предположить и символическую гибель героя-интеллигента, и то, что Лева придет к такому же нецелостному мироощущению, как и Митишатъев, в последних главах романа выраженному буквально, физически: «некоторое время они находятся в разных пространствах, голова и тело» [1, 318]. Некоторые ассоциативные связи, возникающие у культурного читателя, помогают обозначить отдельные смыслы, перепутанные между собой в ткани романа. Потому правомерно выделять вспомогательную функцию ассоциативных образов в произведении А.Битова.

В конечном итоге, следует заключить, что ассоциативные образы в романе А.Битова имеют две функции – усложняющую и вспомогательную. В основе вспомогательной функции лежит указание автором глубинных смыслов романа «Пушкинский дом». Литературные ассоциации, возникающие в процессе чтения текста, позволяют расширить культурное пространство романа, выйти на разные уровни восприятия текста. Суть усложняющей функции состоит в заданной автором игровой путанице читательских ощущений, благодаря чему А.Битов формирует особенный, нужный ему тип читательского мышления.

Литература:

1.Битов А.Г. Пушкинский дом. – М.: Современник, 1989.

- 2.Абашеева М.П. Литература в поисках лица, русская проза: становление авторской идентичности. – Пермь.: изд-во Пермского университета, 2001.
- 3.Битов А.Г. Изобретение каменного топора. – Вопросы литературы, 1998. - №1. – с.29-34
- 4.Битов А.Г. Мы проснулись в незнакомой стране: Публицистика. – Л.: Сов.писатель,1991. – 120 с.
- 5.Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997. – С.200
- 6.Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. - М.: Флинта, 2000. – С.127
- 7.Чансес Э. «Пушкинский дом»: загадки жизни и литературы // Экология вдохновения. – Академический проект, 2006 – С.194
- 8.Щенников Г.К.. Достоевский: эстетика и поэтика. - Челябинск.: «Металл», 1997. – С.150

Исадыкова Е.И.

*Научный руководитель: Н. А.Купина,
доктор филологических наук профессор
УрГУ, Екатеринбург*

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПНЫЕ ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДАМСКИХ РОМАНОВ Е. ВИЛЬМОНТ)

В настоящее время термин «стереотип» чрезвычайно широко применяется в различных областях науки (лингвистике, психологии, социологии, философии); в зависимости от аспекта исследования выделяются различные стереотипы.

В лингвистике термин «стереотип», а также соотнесенные с ним понятия «клише», «стандарт», «шаблон», «штамп», «трафарет» толкуется с двух точек зрения – собственно семантической и стилистической (языковой).

Анализ показал, что в первом случае, на основании выделяемости общих для этих понятий качеств, их можно считать взаимозаменяемыми и оперировать ими как собственно таковыми; при определении же понятия с точки зрения стилистической абсолютно тождественными их назвать нельзя, т.к. они соотнесены в плане устойчивости и автоматизма воспроизведения, однако противопоставлены в плане оценочности.

Для лингвистического исследования существенным является положение об оформленности стереотипа, схематичности, т.е. наличии модели, автоматизме и устойчивости.

Специализированные терминологические словари и справочники толкуют понятие «стереотип» (определяя его как «социальный»), выделяя, главным образом, его социальное